

— Дорогая, любовь не знает гендерных преград! Согласно анализу больших данных Системы, уровень симпатии Ань Юньсюэ к вам значительно выше среднего, а её внимание и терпимость к вам необычайно высоки. Существует огромный потенциал для развития отношений! Прошу хозяйку смело преодолеть оковы предрассудков и ради свободы — дерзай!

Су Сяовань, обхватив голову руками, сидела на корточках, а в её мозгу неконтролируемо роились мысли:

Заставить Цзюньчжу полюбить меня? Кажется... это не совсем невозможно? Цзюньчжу такая красавица, и пусть её характер — та ещё смесь невинности и коварства, но в этом что-то есть... Постой! О чем я вообще думаю!

Она яростно замотала головой, пытаясь вытряхнуть эти крамольные мысли. Но вскоре её осенила другая идея: если Цзюньчжу действительно ко мне равнодушна... то не окажусь ли я в отношениях соперничества с этим демоном Сяо Чэнем?!

Вспомнив ледяной взгляд Сяо Чэня и его статус генерала, Су Сяовань содрогнулась. Состав соперников в любви получается слишком уж грозный!

Как раз в тот момент, когда в её голове воцарился полный хаос, раздался спасительный сигнал Системы, прозвучавший подобно райской музыке:

— Дзинь! Новое задание: Встреча на поэтическом турнире. Ежегодный столичный турнир поэтов Сотни цветов состоится через три дня в императорской усадьбе, и Цзюньчжу Ань Юньсюэ уже получила приглашение. Хозяйке надлежит добиться того, чтобы сопровождать Цзюньчжу, и неотлучно находиться рядом на протяжении всего мероприятия. Подробности задания будут выданы позже. Награда: очки силы +20!

Двадцать очков! Глаза Су Сяовань мгновенно превратились в символы этих самых очков. С ними её показатель силы подскочит до восьмидесяти! Еще один огромный шаг к тому, чтобы стать мастером боевых искусств! И тогда любого наглеца, решившего придраться, она будет укладывать одним ударом!

— Пойду! Обязательно пойду! — Су Сяовань вмиг выбросила из головы все мысли о любовных стратегиях, её сознание было ослеплено сиянием двадцати очков силы.

Но как уговорить Цзюньчжу взять её с собой? Она всего лишь служанка третьего ранга, чья работа — наводить чистоту. На такие мероприятия обычно берут старших служанок вроде Ляньсинь или тех, кто хоть немного разбирается в литературе...

Вечером того же дня она, набравшись храбрости, подкралась к Ань Юньсюэ, читавшей книгу у окна, и расплылась в самой невинной и милой улыбке, на какую была способна:

— Цзюньчжу, я слышала, через несколько дней будет поэтический турнир. Должно быть, там очень весело и красиво?

Ань Юньсюэ даже не подняла глаз, ответив равнодушно:

— Хм. Есть такое дело.

— А... каких сестер вы возьмете с собой прислуживать? Наверняка понадобится кто-то, чтобы поддержать накидку, подать чаю или отогнать назойливых мух? — Су Сяовань начала активно намекать.

Ань Юньсюэ наконец подняла взгляд и с полуулыбкой посмотрела на неё. Её глаза, казалось, видели насквозь, отчего Су Сяовань стало не по себе.

— О? — Ань Юньсюэ отложила книгу, и уголки её губ изогнулись в ироничной усмешке. — С каких пор тебя интересуют собрания литераторов? Я-то думала, что тебя волнуют только мясные булочки на кухне и... генерал Сяо.

Она намеренно растянула последние слова, не скрывая насмешки в голосе. Су Сяовань чуть не подпрыгнула от испуга! Боги свидетельствуют, она уже давно не питает чувств к этому человеку с ледяным взглядом! К тому же, она совсем не та, кем была прежняя хозяйка тела!

— Нет-нет! Совершенно нет! — Су Сяовань замотала головой, как неваляшка, и в панике начала нести чепуху: — Я к генералу Сяо вообще ничего не чувствую! Я... я на самом деле... на самом деле хочу всегда быть рядом с вами, Цзюньчжу! Да! Я люблю именно вас! Если хоть день вас не вижу, на душе становится тревожно, еда не лезет в горло, а сон не идет! Прошу, возьмите меня с собой! Я буду вести себя тихо и ни за что не осрамлю вас!

В порыве отчаяния она скомкала теорию любви из Системы и выдала её как истину, лишь бы доказать свою преданность и получить задание.

Как только слова сорвались с губ, в комнате воцарилась гробовая тишина. Ляньсинь ошарашенно смотрела на Су Сяовань, словно услышала нечто, за что казнят до девятого колена. Ань Юньсюэ, очевидно, тоже никак не ожидала подобного ответа. Насмешка на её лице застыла, сменившись искренним изумлением. Её миндалевидные глаза, вечно подернутые легкой дымкой, слегка расширились, отражая раскрасневшееся от волнения лицо Су Сяовань.

Воздух словно замер на несколько секунд. А затем Ань Юньсюэ вдруг приснула со смеху. Это был не привычный мягкий и сдержанный смешок, а настоящий, искренний, полный недоверия и любопытства смех. Когда она смеялась, её взгляд искрился, словно весенний лед под лучами солнца, и от этого зрелища невозможно было отвести глаз. Бледные щеки окрасились легким румянцем, став нежнее распускающихся за окном персиковых цветов.

Су Сяовань застыла, внутренне вопя от восторга: Спасите! Почему она стала еще красивее, когда смеется!

— Любишь... меня? — Ань Юньсюэ повторила эти слова, и её голос на последнем слоге стал тягучим, опасным и манящим.

Она поднялась, медленно подошла к Су Сяовань и, слегка наклонившись, прошептала ей на ухо. Окутанная прохладным ароматом сливы и книжных страниц, она обдала ушко Су Сяовань теплым дыханием. Та оцепенела, а сердце забилось, словно барабан.

— Су Сяовань, знаешь ли ты... какое наказание полагается за обман Цзюньчжу? М? — голос, звучащий подобно звону нефрита, был наполнен насмешливой угрозой.

Последнее М, произнесенное с легким повышением тона, словно перышко коснулось самого сердца. У Су Сяовань подкосились ноги, она едва не рухнула на колени.

— Я... я не смею обманывать! Каждое слово — правда! Небо и солнце тому свидетели! — выпалила она, зажмурившись.

Ань Юньсюэ выпрямилась. Глядя на эту готовую к смерти девушку, она рассмеялась еще громче, и в её глазах промелькнул невыразимый интерес. Она кончиком пальца легонько коснулась лба Су Сяовань и лениво произнесла:

— Ладно, раз ты так предана, я позволю. Через три дня пойдешь со мной. Но если опозоришь меня...

— Не опозорю! Буду молчать как немая! Ни слова лишнего! — поспешно заверила Су Сяовань, ликуя в душе. Двадцать очков силы уже почти в кармане!

— Ха, — усмехнулась Ань Юньсюэ, вернулась к окну и снова взяла в руки книгу, словно ничего не произошло. — Ступай.

Су Сяовань, словно получив помилование, поспешно ретировалась. Даже отбежав далеко, она чувствовала, как горят её щеки и уши, а сердце продолжает неистово колотиться. Mamочки! Ну и умеет же эта Цзюньчжу охмурять! Специально так близко подошла! Напугала до смерти! Но... задание хотя бы выполнено!

А у окна Ань Юньсюэ смотрела в книгу, но не видела ни строчки. Она бессознательно потирала кончиком пальца то место, где касалась лба Су Сяовань, а на губах её играла искренняя, едва заметная улыбка.

— Любишь меня? — прошептала она сама себе, покачив головой. Это казалось таким нелепым и... невероятно интересным.

Эта Су Сяовань становится всё более... непредсказуемой. Похоже, этот турнир поэтов не будет скучным.

Три дня спустя, турнир поэтов Сотни цветов.

В императорской усадьбе витали ароматы цветов, собрались талантливые поэты и прекрасные дамы, звенели украшения, слышался радостный смех. Су Сяовань семенила вслед за Ань Юньсюэ, едва успевая вертеть головой. Она старалась держать лицо, как и подобает служанке Цзюньчжу, но её живые глаза не могли не глазеть по сторонам. Роскошь и изящество императорской усадьбы поразили её, современного офисного планктона, до глубины души. Если бы у неё был телефон, она бы обязательно всё сфотографировала для соцсетей.

Ань Юньсюэ, слыша сзади с трудом сдерживаемое восхищение, едва заметно улыбнулась.

— Дзинь! Обнаружено, что хозяйка находится на светском мероприятии высокого культурного уровня. Активировано временное задание: Изящное мгновение. Хозяйке надлежит в течение пяти часов прослушать не менее трех стихотворений и после каждого успешно произнести не менее трех комплиментов в адрес Цзюньчжу. Награда: очки силы +20.

Су Сяовань споткнулась. Слушать стихи? Хвалить Цзюньчжу? Система, у тебя что, нереалистичные представления о моих знаниях и навыках общения? Я пишу бульварные романы, моя специализация — цитаты генеральных директоров и драмы о несчастной любви, а не критика классической поэзии, эй!

Но, с другой стороны, ради двадцати очков силы! Сделаю!

Она изо всех сил наострила уши, пытаясь уловить смысл высокопарных строк. Все эти пурпурные цветы, лунные тени... от них голова шла кругом, а мозг превращался в кашу. Она знала каждое слово по отдельности, но в предложениях они казались ей древними письменами.

Когда она уже начала клевать носом и едва не уснула стоя, её разбудил чей-то резкий и жеманный женский голос.

<http://bllate.org/book/18826/1832334>